

Виктор Мельничук



Таксист

18+

Виктор Мельничук

Таксист

«Автор»

2026

Мельничук В.

Таксист / В. Мельничук — «Автор», 2026

Ночная Москва. Дождь. Старая чёрная «Волга». Он работает таксистом и выходит только после полуночи. Его пассажиры — самые разные люди. У каждого — своя история. Своя боль. Своя тайна. И почти каждый оставляет что-то после поездки. В том числе слова, которые уже невозможно забыть. Но никто из них не замечает главного: этот таксист никогда не спрашивает адрес. Потому что он заранее знает, куда везёт каждого.

© Мельничук В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Эпиграф	6
Пролог	7
Глава первая	8
Глава вторая	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Виктор Мельничук

Таксист

ТАКСИСТ

Мельничук Виктор
2025 год

Эпиграф

Ибо сказано в Книге Странствий:

«Семь раз упадёт путник —

и семь раз поднимется,

но лишь один путь приведет его домой.

А иные дороги ведут лишь к следующему перекрестку,

где чёрный автомобиль ждет у обочины,

двигатель тихо урчащий, как совесть, которую слишком долго заглушали».

— «Хроники Блуждающих Огней» (приписывается монаху-переписчику XIV века)

Пролог

«О чём молчат дороги»

Говорят, дороги помнят все.

Они помнят стук копыт по булыжнику, рев первых автомобилей, шепот босых ног беженцев. Помнят, как по ним везли гробы и невест, как на обочинах хоронили путников, зараженных чумой или пулей. Дороги — это жилы мира, а по жилам течет не только кровь.

Но есть одна дорога. Та, что не нанесена ни на одну карту.

Она начинается там, где пассажир говорит «Мне нужно...» — и замолкает, потому что не знает, куда на самом деле едет. Где таксист не спрашивает адрес, а просто ждет, пока человек назовет его сам. Где в салоне пахнет не сигаретами и потом, а чем-то древним — будто кожей старых книг или ладаном из забытой церкви.

Эта дорога не измеряется километрами. Ее длина — семь вдохов. Семь признаний. Семь монет, брошенных на сиденье.

А в конце — только туман и вопрос, который останется без ответа:

«Кто в этой машине был пассажиром?»

Глава первая

«Чёрная Волга и актёр»

Город спал тревожным сном.

Если это вообще был сон.

Улицы, ещё несколько часов назад полные света, голосов и чужих жизней, теперь казались декорациями после спектакля. Фонари отбрасывали на мокрый асфальт дрожащие жёлтые пятна, похожие на умирающий свет старого театра. Где-то далеко гудел последний поезд метро. Где-то выла собака.

Небо висело низко.

Тяжело.

Будто тоже устало смотреть на этот город.

На пустом перекрёстке стояло такси.

Чёрная «Волга» ГАЗ-24.

Она выглядела так, словно принадлежала не времени, а памяти о нём. Лак на кузове потускнел, хром слегка потемнел, но в машине всё ещё чувствовалось что-то упрямо живое. Будто годы не смогли её состарить до конца.

Фары тускло светились в тумане.

Как глаза хищника, который слишком долго не спал.

В салоне пахло кожей, сигаретным дымом, сыростью старых дорог и чем-то едва уловимым, напоминающим ладан.

На приборной панели стояла деревянная фигурка ангела с обломанным крылом.

Под стеклом лежала старая игральная фишка.

Таксист медленно вращал её между пальцев.

Почти машинально.

На заднем сиденье валялась потрёпанная книга пьес Шекспира.

«Гамлет».

Открытая на сцене с призраком отца.

За рулём сидел человек неопределённого возраста. Высокий, сутулый, будто под одеждой он носил невидимую тяжесть. Лицо бледное. Осунувшееся. Слишком неподвижное.

И только пальцы постоянно двигались.

Фишка тихо щёлкала о ноготь.

Двери театра распахнулись.

Из них вышел мужчина.

Красивый той пугающей красотой, которая больше напоминает дорожную трещину на мраморе, чем живого человека.

Длинное чёрное пальто.

Дорогие часы.

Идеально уложенные волосы.

Усталость в глазах.

Он остановился под светом афиши.

На ней было его лицо.
Моложе.

Живее.

Почти бессмертное.
Дождь медленно размывал бумагу.
Актёр усмехнулся.

С презрением.
Потом заметил «Волгу» и направился к машине.
Когда он сел внутрь, на сиденье рядом с ним упал смятый театральный билет.

«ГАМЛЕТ».

Первый ряд.

Имя зрителя стёрлось.

— Театр имени Ермоловой, — бросил он устало.

Таксист не ответил.

Машина плавно тронулась с места.

Некоторое время слышен был только дождь.

Актёр смотрел в окно, потом вдруг поднял глаза на зеркало заднего вида.

— Вы меня узнаете?

Таксист медленно выпустил дым.

— Нет.

В глазах актёра мелькнуло раздражение.

Не потому, что его не узнали.

А потому, что ему не соврали.

— Забавно, — усмехнулся он. — Обычно все делают вид, что узнают. Особенно когда просят автограф.

Он откинулся на сиденье.

— Люди ненавидят правду. Им нравится чувствовать себя частью чужого величия. Даже если это величие фальшивое.

Таксист молчал.

Красный свет вывески казино скользнул по салону.

«LAST CHANCE».

Пальцы таксиста едва заметно замерли на фишке.

Только на секунду.

Потом снова начали вращать её.

Актёр заметил.

— Играете?

— Больше нет.

— Проигрались?

Таксист усмехнулся уголком губ.

Очень устало.

— Да.

Дождь усилился.

Огни города расплывались по стеклу, будто акварель.

— Вы знаете, каково это — быть кумиром? — внезапно спросил актёр. — Не просто знаменитым. А именно кумиром. Когда тысячи людей смотрят на тебя как на бога.

Он говорил спокойно.

Но под спокойствием уже чувствовалась трещина.

— Я играл Гамлета в двадцать три. Самый молодой Гамлет в истории театра. После премьеры критики писали:

«гений»,

«новое слово»,

«человек, переосмысливший трагедию».

Он коротко рассмеялся.

— А знаете, что самое смешное?

Таксист смотрел на дорогу.

— Что?

— Я ненавижу Гамлета.

Молчание.

— Ненавижу его слабость. Его сомнения. Его бесконечное:

«быть или не быть».

Актёр наклонился вперёд.

Теперь в его голосе звучал яд.

— А потом я понял, что ненавижу и зрителей.

Он скривился.

— Эти восторженные взгляды...

«О, какой талант».

«Какой гений».

«Какая глубина».

Он выплюнул последнее слово.

— Они думали, что видят великого человека. А я просто умел врать лучше остальных.

Таксист тихо стяхнул пепел.

— Почему?

Актёр резко посмотрел на него.

— Потому что я лучше них.

Это прозвучало сразу.

Без колебаний.

Как молитва, повторяемая слишком много лет.

— Я должен был быть богом.

Я заслужил это.

А они превратили меня в цирковую обезьяну, которая прыгает по сцене ради аплодисментов.

Он подался ближе к зеркалу.

— Вы вообще понимаете, с кем разговариваете?

Я — трижды лауреат «Золотой маски».

Меня приглашали в Лондонский королевский театр.

Его губы скривились.

— А вы просто водитель, который даже не узнал меня.

Таксист долго смотрел вперёд.

Потом спокойно произнёс:

— Маски бывают разные.

Одни — золотые.

Другие — кожаные.

Актёр прищурился.

— Вы думаете, это остроумно?

— Нет.

Тишина.

— Тогда зачем это говорить?

Таксист медленно провёл пальцем по сломанному крылу деревянного ангела.

— Потому что маски глушат звук.

Особенно золотые.

В салоне повисло молчание.

Тяжёлое.

Почти вязкое.

— Вы просто завидуете, — тихо сказал актёр. — Все маленькие люди завидуют тем, кто выше их.

Таксист впервые посмотрел на него через зеркало.

И в его взгляде было что-то странное.

Не злость.

Усталость человека, который уже слышал это от самого себя.

— А что выше? — спросил он тихо. — Маска или лицо под ней?

Актёр усмехнулся.

Но не ответил.

Машина проехала мимо огромного рекламного щита.

«ГЕНИЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ».

На плакате снова было лицо актёра.

Молодое.

Безупречное.

Он резко отвернулся.

И впервые за всю поездку выглядел не великим.

А уставшим.

— Однажды после спектакля ко мне подошла девушка, — сказал он неожиданно. — Лет восемнадцати. Плакала. Сказала, что мой «Гамлет» спас её. Что после спектакля она передумала бросаться под поезд.

Он усмехнулся.

Жестоко.

— И знаете, что я подумал?

Таксист молчал.

— Какая же ты жалкая.

Дождь тяжело бил по крыше.

— Потому что если тебя спасает чья-то игра — ты уже проиграла.

Фишка перестала крутиться.

— Если тебе нужен кто-то, чтобы жить — ты уже мертва.

Тишина.

Только шум дождя.

Только красный свет казино, медленно скользящий по окнам машины.

А потом актёр вдруг тихо добавил:

— И самое страшное...

мне понравилось смотреть,

как гаснет свет в её глазах.

Таксист медленно выдохнул дым.

Очень медленно.

Будто сдерживал что-то внутри.

— Гордыня — странная вещь, — сказал он наконец. — Сначала она заставляет человека чувствовать себя богом.

Он посмотрел на отражение актёра в зеркале.

— А потом оставляет одного.

Впервые за поездку актёр не нашёлся что ответить.

Машина въехала под мост.

На секунду салон утонул во тьме.

И в этой темноте голос таксиста прозвучал особенно тихо:

— А если бы вам пришлось сыграть самого себя?

Смогли бы?

Актёр долго молчал.

Потом рассмеялся.

Очень тихо.

Очень устало.

— Это была бы самая трудная роль в моей жизни.

Он посмотрел на собственное отражение в стекле.

— Потому что я не знаю,

кто мой персонаж.

Таксист кивнул.

Будто слышал что-то давно знакомое.

— А вы? — спросил актёр. — Кем были вы?

Красный свет светофора лёг на лицо таксиста.

В зеркале его глаза казались почти чёрными.

Он долго не отвечал.

Слишком долго.

А потом сказал:

— Проигравшим.

И впервые за всю поездку в салоне стало по-настоящему тихо.

Будто оба вдруг поняли:

этот ответ был честнее всех предыдущих слов.

Когда машина остановилась у служебного входа театра, актёр не двигался.

Смотрел на тёмную дверь.

На пустой подъезд.

На место, где его всё ещё ждали аплодисменты.

И где уже давно никто не ждал его самого.

— С вас тридцать монет, — тихо сказал таксист.

Актёр нервно усмехнулся.

— Каких ещё монет?

Но рука уже тянулась в карман.

Там лежала старая серебряная медаль.

«Лучшая мужская роль».

Он смотрел на неё несколько секунд.

Потом бросил на переднее сиденье.

Медаль звякнула о панель,

как монета в пустом храме.

— Забирайте, — сказал актёр. — Всё равно фальшивая.

Таксист взял медаль.

Повертел в пальцах.

— Ничто не фальшиво, — тихо произнёс он. — Просто иногда правда слишком тяжела.

Актёр открыл дверь.

Дождь ворвался в салон холодным воздухом.

— Вы странный таксист.

Он усмехнулся.

Устало.

Почти обречённо.

— Надеюсь, мы больше не встретимся.

Таксист посмотрел на него через зеркало.

И впервые в его голосе прозвучало что-то почти человеческое.

Почти боль.

— Все мы встречаемся снова.

Просто в разных ролях.

Актёр ничего не ответил.

Только вышел под дождь и растворился в темноте театрального двора.

Таксист смотрел ему вслед ещё несколько секунд.

Потом открыл бардачок.

Там уже лежали:

старые фотографии,

детская игрушка,

армейский жетон,

сломанные очки,

чужие письма,

театральные билеты.

Маленькое кладбище чужих жизней.

Он аккуратно положил медаль внутрь.

Но бардачок не закрыл.

Его взгляд остановился на фотографии женщины в больничной палате.

Старый снимок.

Сложенный пополам столько раз,

что линия сгиба почти побелела.

Таксист быстро отвёл глаза.

Слишком быстро.

Фишка снова закрутилась между пальцев.

«Волга» медленно тронулась в ночь.

Глава вторая

«Чёрная Волга и чемоданчик»

Город тонул в предрассветном тумане.

Мокрые улицы блестели так, будто их только что вымыли от чьей-то крови. Свет редких фонарей расплзался по асфальту грязными жёлтыми пятнами. Вдалеке хрипел поезд. Ветер волочил по тротуарам старые газеты с заголовками о падении бирж, росте цен и чужих катастрофах.

Воздух пах бензином, мокрым металлом и чем-то сладковато-гнилым.

Как в затопленном банковском хранилище.

На углу улицы стояла чёрная «Волга».

Настолько чёрная,

что казалось — это не цвет,

а отсутствие света.

Фары тускло мерцали в тумане.

Будто машина не смотрела на улицу,

а выжидала.

За рулём сидел таксист.

Сигарета дымилась между пальцев.

Игральная фишка медленно перекатывалась по костяшкам.

Щёлк.

Щёлк.

Щёлк.

Красный свет вывески казино ненадолго скользнул по лобовому стеклу.

«*LAST CHANCE*».

Пальцы таксиста замерли.

Всего на секунду.

Потом фишка снова начала вращаться.

Из дверей круглосуточного бара вышел старик.

Невысокий.

Сгорбленный.

В дорогом кашемировом пальто, которое теперь висело на нём, как на пустой вешалке.

Он прижимал к груди маленький кожаный чемоданчик.

Не как вещь.

Как ребёнка.

Старик быстро огляделся по сторонам и почти ввалился в салон.

Дверь жалобно скрипнула.

— Северный вокзал, — прохрипел он. — И... побыстрее.

Машина тронулась.

Некоторое время слышен был только шум дворников.

Старик тяжело дышал.

Его пальцы нервно барабанили по чемодану.

Тук.

Тук.

Тук.

Как будто внутри лежало сердце,

которое вот-вот остановится.

— Вы не спросите,

что здесь? — внезапно сказал он.

Таксист смотрел на дорогу.

— Нет.

Старик нервно усмехнулся.

— А все обычно спрашивают.

Он щёлкнул замками.

Звук показался в салоне слишком громким.

Внутри лежали пачки долларов.

Аккуратные.

Новые.

Почти стерильные.

От них пахло типографской краской.

— Три миллиона наличными, — тихо сказал старик.

Будто признавался в убийстве.

Таксист молчал.

Только дым медленно поднимался к потолку салона.

— Вся жизнь, — прошептал старик.

Фишка тихо щёлкнула о ноготь.

— Обычно люди так говорят о другом.

Старик вздрогнул.

Но тут же раздражённо усмехнулся.

— Вы думаете, я жадный?

— А вы?

Старик долго молчал.

Потом отвернулся к окну.

— Нет.

Я просто всю жизнь боялся быть бедным.

Красный свет казино снова скользнул по салону.

Таксист отвёл взгляд.

Слишком быстро.

Старик заметил это.

— Вы были бедным? — спросил он.

Таксист усмехнулся.

Устало.

— Да.

— Тогда вы должны понимать.

Он крепче прижал чемодан.
— Бедность — это не отсутствие денег.

Это унижение.

Это когда ты смотришь на ценник раньше,

чем на человека.

Тишина.

— Я вырос в квартире,

где зимой стены покрывались льдом,

а отец говорил:

«Главное — оставаться человеком».

Старик горько усмехнулся.

— Очень удобно говорить о человечности,

когда у тебя ничего нет.

Таксист стряхнул пепел в пепельницу.

— И поэтому вы выбрали деньги?

Старик посмотрел на чемодан.

Очень долго.

— Деньги хотя бы не уходят.

Фишка перестала вращаться.

Только на секунду.

— Люди уходят.

Любовь заканчивается.

Жизнь разваливается.

А цифры...

цифры остаются цифрами.

Машина свернула к набережной.

Город за окном выглядел мёртвым.

— У меня была дочь, — вдруг сказал старик.

Таксист едва заметно напрягся.

— Катя.

Лейкемия.

Это слово повисло в салоне,

как запах лекарства.

— Врачи сказали:

лечение в Германии.

Триста тысяч евро.
Он засмеялся.
Сухо.

Почти безумно.
— И знаете, что я сделал?
Таксист молчал.
— Я открыл таблицу в Excel.
Старик смотрел перед собой невидящими глазами.
— Считал проценты.

Считал риски.

Считал,

через сколько лет эти деньги удвоятся.
Его голос дрогнул.
— Я думал о лечении,

как об инвестиции.
В салоне стало очень тихо.
Только дождь.
Только двигатель.
Только щелчок фишки.
— И что показали расчёты? — спокойно спросил таксист.
Старик внезапно сорвался на крик:
— Что она не окупится!
Он ударил кулаком по чемодану.
Купюры внутри глухо зашелестели.
— Понимаете?!

Я смотрел на собственную дочь

как на убыточный проект!
Он закрыл лицо руками.
Но слёз не было.
Словно они закончились много лет назад.
— Потом я передумал...

Потом хотел заплатить...

Но стало поздно.
Таксист медленно выдохнул дым.
— Поздно считать прибыль,

когда товар уже списан.
Старик замер.
Будто ему сломали рёбра изнутри.

Из чемодана выпала старая помятая купюра.
Он смотрел на неё несколько секунд.
— Это её, — прошептал он. — Я дал ей «на мороженое».

Она не потратила.

Хранила как талисман.
Тишина.
Машина проехала мимо детской больницы.
В окнах горел ночной свет.
Чужие жизни.

Чужие родители.

Чужая надежда.
Старик вдруг заговорил очень тихо:
— Она собирала монетки в банку из-под печенья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.